

Елена Касьян

Сил хватит

* * *

Он говорит – неси,
сколько сумеешь. Сил
хватит. Тянись ко мне,
даже когда на дне
будешь, вставай со дна.
Даже когда одна
буря другой сильнее,
встань и пройди под ней.
Это твое. Тянись
этим со всех сторон.
Если такая жизнь,
значит, таков закон.
Он говорит – смотри,
чем ты владеешь здесь?
Ноша твоя внутри,
ты – это все, что есть
тут твоего. Неси,
сколько сумеешь. Сил
хватит.

* * *

Куда я буду тебе писать? По снегу огненная лиса
перетекает из света в ночь. Вот так и ты улетаешь прочь
из наших сумерек и сетей, от наших радостей и страстей,

перетекая в немое «был...».
Вдовеют все, кто тебя любил.

Прижмется город лицом к стеклу. Разбей яйцо, отыщи иглу
и убедись, что она цела – почти нетронутая игла.
Каких гарантий тебе еще? Вростает небо в твое плечо,
втекает вечность в твои глаза,
как в нору огненная лиса.

Куда я буду тебе писать? Во мне цветет прошлогодний сад,
во мне качается синий лес и птицы носятся вдоль небес,
но нет ни города, ни страны, где эти письма тебе нужны,
где ты еще не совсем отвык
и понимаешь земной язык.

Мы изучили немало слов, от них осталось одно – «любовь».
И все, кто шиты одной иглой, навеки связаны здесь с тобой
в один сияющий гобелен – ему не страшен ни прах, ни тлен,
ему ничто не мешает быть.
И ты в нем нить...
И я в нем нить...

* * *

У меня был Краков, Париж и Рим,
Где ни мост, ни купол не стал моим,
Я могла живое открыть живым,
Но искала камень и ключ под ним,

Я пыталась мир заготовить впрок,
Этот мир пока был не слишком строг.
До поры кивал мне лукавый бог,
Но теперь неясно, каков итог.

Если нить тонка, то болит порез,
Если ждать беды, то она окрест,

Но когда созрел и готов замес,
Никакой нужды в перемене мест.

И легко сквозь бусину нить течет,
И в груди пульсирует горячо,
И неважно время, ни день, ни год
Для того, кто знает, куда идет.

Все, чего ты ищешь, давно внутри,
Это очень просто – бери смотри.
И давай, себе-то уже не ври –
Бесполезен ключ, если нет двери.

* * *

Еще держу, еще держу,
но отпускаю, отпускаю...
Точильным камнем по ножу –
по мне идет волна другая,
и по тебе, и по тебе,
и никого не огибает,
ни тот немислимый Тибет,
ни этот мыслимый Дубай,
ни те иные миражи,
ни эти знаки на конверте...
Гляди, гляди, какая жизнь
по обе стороны от смерти.

* * *

Ночь оставляет нетронутым только контур.
Смертным быть тяжелее, чем просто живым.
Каждого, кто покидает темную комнату,
Страх отпускает на время. Следить за ним
Можно на расстоянии – страх вторичен.
Самые важные правила слишком просты.
Если глядеть из форточки, воздух геометричен,

Как доказательство правильной пустоты.
Все, что тебя с поражением соотносило,
Что разделяло пространство с календарем,
Все, что еще вчера тебя не убило,
Завтра становится лучшим поводом.

* * *

Не говори о нас, не говори,
и даже в самом сердце де Пари,
где мы могли однажды умереть,
когда бы жизнь
не праведней, чем смерть,
когда бы свято место не про нас,
когда бы жили
только в этот раз.
Но до сих пор пульсирует внутри:
не говори о нас, не говори.

Во мне растут сады и города,
во мне горит небесная руда,
скрипят качели, облако плывет,
а на качелях
девочка поет.
И так поет, что не о чем жалеть,
покуда жизнь
не праведней, чем смерть,
покуда все растает до зари,
как фонари проспектов де Пари.

И уцелеет только горизонт,
но говорить об этом не резон –
слова легки, изменчивы, пусты...
Внутри меня
висячие мосты,
под небом птица, рыба в глубине –

как это все
вмещается во мне,
живет и дышит, требует любви?
Там старый дом шиповником увит,

почтовый ящик на его двери
(не говори о нас, не говори),
вокруг стоит высокая трава,
и на ветру
качается едва,
и в той траве лежит мой детский страх,
мой детский стыд,
мой ужас на губах,
моя тоска, моя смешная боль –
все, что еще не связано с тобой,

лежит в траве, но не болит давно...
И я смотрю, как старое кино,
и вижу только утро и восход.
И на качелях
девочка поет.
О, эта песня – все нутро мое,
а жизнь и смерть –
лишь строчки из нее.
И если хочешь, слушай и смотри.
Но ничего о нас не говори.

* * *

Всё пустые разговоры,
Всё советы, да не те.
У меня внутри просторы,
Что лететь бы да лететь.

Ай, люли мои люли,
Страх встает на костыли,

Ковыляй себе, болезный,
Поищи другой земли.

Я жила себе, выросла,
Мне без малого вся жизнь.
Каждый первый то и дело
Говорит: давай, держись.

Каждый первый знает точно,
Где бревно в чужом глазу,
Ах, вы ночи мои, ночи,
Ах, кораблики в тазу,

Ах, ковровые узоры,
Ах, тесемочки в косе,
Разговоры-разговоры
На нейтральной полосе.

Не спеши подбить итоги –
Воля наша, чья бы власть...
Смерть обила все пороги,
Жизнь пока что не сдалась.

* * *

Вот так, скрипя о петли бытия,
Раскачивает ветер колыбель,
Где нас Творец попарно изваял:
Совместный быт, совместная постель,
И только вечность каждому своя.

А время все прозрачней на просвет,
И проступает контур декупажа,
Где я снимаю платье, как конверт,
Где мы – пейзаж, вернее, часть пейзажа,
И смерти нет, и утоленья нет.

И мы никто, и мы уже нигде,
Лишь колыбель качается со скрипом,
И рябь идет по небу и воде,
Где ты меня читаешь, как постскриптум, –
И там, и здесь, и далее везде...

Львов

